

90-e

ОЧЕРК

Сегодня видел сон про 90-е. Ничего особенного во сне не случилось. Приснилась атмосфера, если вообще атмосфера может присниться. Какое-то ощущение, воздух тех лет. Я во сне шел по родному городу и видел то, что сейчас можно увидеть, наверное, только во сне. Утром пообщался через WhatsApp с Димой, который из Пекина и он тоже про 90-е вспомнил, как-то независимо от меня.

А что это были за годы такие 90-е для меня лично. Про страну говорить не буду, не имею права обобщать, пусть этим занимаются аналитики, политологи, публицисты. Я – про себя, про мой личный опыт.

Итак, начнем!

Я пришел из Советской армии в конце мая 1989 года. И попал в самое начало 90-х. В 1989 году еще был СССР. После сытой ГДР с ее магазинами полными дефицитных товаров, Родина встретила пустыми полками и талонами на чай и сахар. Но ощущения упадка системы у меня лично не было. Возможно, я был тогда мало осведомлен. Я привык сознавать некую ущербность жизни в СССР, отсутствие модных вещей, пластинок, путешествий за границу. Но все эти недостатки комфорта были нормой и не вызывали сопротивления. Наоборот, в этом дефиците многих радостей жизни, материальных и духовных было много хорошего. Да вы и сами это помните. Праздничный стол с малым количеством отсутствующих в открытой продаже деликатесов радовал нас так, как сейчас не радует изобилие тех же самых продуктов. А музыка? Если удавалось с большим трудом, подчас риском для репутации достать пластинку Nazareth или AC/DC, это было счастье сравнимое сейчас с обладанием новенькой иномаркой. То же с одеждой! А уж если удавалось выбраться по путевке в Прибалтику или, чем чёрт не шутит в Венгрию, то всё – жизнь удалась. А у меня брат ездил пару раз в год в Финляндию, ходил с пакетиком, словно с сумкой Michael Kors. И в Прибалтику я ездил с родителями несколько раз. И с пластинками все было в порядке, благодаря брату. Да еще и в Германии довелось служить. Да, что там – грех на жизнь жаловаться! Поэтому для меня, да и не только для меня жизнь в СССР не была чем-то ущербным. Мы привыкли так жить. От этой привычки иметь ценное и дорогое «не на глазах у всех» жизнь становилась ярче.

Помню ко мне приходили домой школьные друзья для того чтобы послушать музыку, которую в другом месте послушать было просто невозможно. Мы слушали Supermax тогда, когда эту группу в СССР мало кто знал, мы пили дефицитный кофе, ели дефицитные шоколадные конфеты и ощущали себя приобщенными к тайному обществу. Выходили потом на улицу и видели обычную жизнь, обычных, не нашего круга людей. Но к людям, не имеющим возможности слушать Supermax презрения не было, может им и не нужен этот Supermax. И у этих людей были свои тайные общества, возможно. Сами знаете, как все тогда было устроено. И это было хорошо.

В 1989 году этот мир стал стремительно рушиться. Прошло всего несколько лет и от старого доброго междусобойчика СССР не осталось ничего.

В 1993 году я жил на съемной квартире, под окном открылась коммерческая палатка. Там всегда лежали за витриной батончики mars и snickers, еще какие-то неизвестные красивые упаковки, и немецкое пиво в банках.

Коммерческие палатки, которые наводнили город ничто в сравнении с городским рынком.

В 90-е главным местом, где бурлила жизнь, в буквальном смысле слова, назначались свидания, кипели коммерческие страсти деловых людей, был городской рынок.

В Ногинске издавна было три рынка: Городской, Глуховский и Октябрьский. Городской рынок располагался на той стороне реки Клязьмы в черте города, которая называется Заречье. Прямо у моста через реку между двумя храмами, Богоявленским собором и Тихвинской церковью на довольно большой площади перед зданием крытого рынка расположились многочисленные лотки и палатки торговцев.

На Октябрьском рынке, который находился рядом с Буденовским полем в микрорайоне Октябрьский поселок, палаток и лотков было меньше.

К слову, Октябрьского рынка уже не существует, а вот Глуховский рынок есть и сейчас, все больше превращаясь в торговый центр.

В Советское время на городском рынке построили большой крытый павильон для осуществления торговли сельхоз продукцией. На площади перед крытым рынком в строгом порядке располагались длинные ряды деревянных лотков для «бабушек» с морковкой и картошкой. Не помню точно, сколько было рядов этих самых лотков, но не много. А вот в 90-е количество лотков увеличилось в разы и к ним прибавились шатры, палатки, собранные наскоро павильоны. Торговали всем: одеждой и обувью, бытовой техникой от миксера до музыкального центра, средствами гигиены, косметикой, мебелью, и всякой разной всячиной. Один мой однокашник успешно продавал книги и устройства для борьбы с тараканами. На его палатке красовался лозунг: тараканья смерть здесь!

Там же на рынке расположились всевозможные закусочные, в которых подкреплялись, как правило, сами торговцы. Все близлежащие улицы в рыночные дни были заставлены автотранспортом и продавцов и покупателей. Рынок поначалу работал, как и в Советское время по выходным, но затем отвечая огромному спросу населения рыночными стали все дни недели. В выходные, конечно, рынок становился особенно многолюдным. Интересно было наблюдать плотный поток людей идущих по пешеходной части моста в Заречье, на рынок. Несмотря на то, что в середине 90-х, а особенно в конце «лихих лет» появились коммерческие магазины, рыночный бум продолжался. Людей рынок привлекал не только более низкими в сравнении с магазинами ценами, но и возможностью поторговаться, пообщаться.

На рынке буквально можно было купить все. Широкий, безграничный ассортимент предложений вполне компенсировал невысокое порой качество товаров.

Вспоминаю, как я однажды приоделся на городском рынке. В те годы я работал в строительном кооперативе и денежки у меня имелись. Так вот в один мартовский солнечный денек я отправился на рынок с тем, чтобы поболтать с приятелем торговцем. Перешел в сплошной толпе мост через Клязьму, спустился по ступенькам с моста на рыночную площадь и оглушенный гремевшей из всех углов разбитной попсой 90-х сквозь толпу протиснулся к палатке моего приятеля. Не помню, что мы с ним обсуждали, но как-то в разговоре я заметил, что надо бы мне приодеться, да не знаю, где и что сейчас модно. Приятель, даром что торговец, схватил меня за рукав и потащил по рынку: сейчас мы тебя приоденем. Не успел я глазом моргнуть, как мне всучили модные тогда штаны, куртку под бушлат, кепку, ботинки и все это за смешные по тем временам деньги.

Интересно, что рэкетеры и вообще бандиты не сильно волновали рыночную торговую корпорацию. Ходили слухи, что кого-то обложили данью, кому-то угрожали, но конкретных происшествий я не встречал. Хотя коррупционные происшествия даже ставшие некоей традицией на фоне страха перед бандитами случались. Например, местные милиционеры бесплатно кушали в рыночных «едальнях», вроде как в качестве благодарности за защиту. Вот, вспомнился эпизод из этого разряда. Кроме моего однокашника на рынке торговала девчонка из нашего класса. Она вообще-то из крестьянской семьи, хоть и городская. В черте города у них был свой дом и небольшое хозяйство. Держали свиней. Родители ее ходили по многоэтажкам собирали пищевые отходы. Помню, что она этого очень стеснялась, но затем, после школы, и сама стала активно участвовать в семейном животноводстве. На рынке она торговала мясом и салом собственного производства. Я у нее частенько сало покупал. Так на нее как-то наехали «братки», предложили, мягко сказать, отстегивать. А она, не будь душой, пожаловалась другому моему однокашнику и ее к слову тоже, а он работал в убойном отделе уголовного розыска. Он не поленился прийти к ее лотку в то самое время, когда подкатили «братки». Уж не знаю, что он им там сказал, но больше они не появлялись.

Вначале 2000-х рынок потихоньку стал издыхать, пока совсем не издох. Многие стали ездить на Московские рынки, самым известным из которых был «Черкизон» - Черкизовский рынок. Я там был однажды – жуткое место, как мне показалось. Какой-то Вавилон. Чудовищных размеров лабиринт из лотков, складов и снующие по нему люди с баулами. Потом и «Черкизон» канул в лету. Неорганизованной торговле дали мощный бой

не только правоохранительные органы, но растущее благосостояние людей. Народ «наелся» всего без разбора, а когда «наелся» стал искать качества, не только количества.

Интересно также складывалась работа в так называемых кооперативах. Вообще-то кооператив это было официальное название различных предприятий. Название это, как часто бывает, стало символом тех лет наряду с другими словами. Людей работающих в кооперативах или просто деловых людей называли кооператоры.

Идея с кооперативами была на тот момент волне прогрессивной. Считалось, что кооператив это союз работающих в нем граждан для определенной деятельности, все достижения от которой они делят поровну. И действительно рабочие объединялись в бригаду, называли себя кооперативом и работали сообща для общего блага. Поначалу так и было. Никаких тебе налогов, бухгалтерской отчетности. Заработали – поделили. В дальнейшем, конечно, государство такую вольницу стало пресекать и вводить кооперативы в правовое и налоговое поле.

В 90-е государство, то ли благодаря такой политике Бориса Ельцина, то ли из-за отсутствия системных механизмов после развала СССР смотрело на деятельность кооператоров сквозь пальцы. Людям дали волю работать на себя, без оглядки на государственные институты. Да и с законами тогда была полная неразбериха. А что творилось на заседаниях думы. Цирк, да и только. Благодаря такой политике у отдельных людей и предприятий появились деньги. Работы было много, заработать можно было легко. Появились и очень богатые люди, ставшие богатыми буквально вмиг. Богатые люди стали возводить для себя не просто дома – замки. И кто - во что горазд.

Мне довелось поработать на одного из таких богачей, которых тогда стали называть «Новыми русскими». Человек этот из бывших офицеров, ушел со службы вначале 90-х по собственному желанию, тогда подобное случалось. Занялся мясом. Ездил по деревням, скупал у колхозников мясо и реализовывал сначала через рынок, потом через магазины, затем купил долю мясокомбината и разбогател быстро. Купил себе новенькую иномарку. Рассказывал, как боялся ехать на ней из Москвы в Ногинск. В какой-то момент решил построить дом. Я ему делал проект на дом.

Идя навстречу пожеланиям заказчика, я превратил проект дома в проект средневекового замка, с башнями, бойницами, только рва с водой не хватало.

Там были и безумные идеи хозяина, чтобы под домом был гараж, в который могла бы заехать фура, а его иномарка развернуться, внутри дома следовало устроить атриум с галереей по периметру и вторым светом, а еще бассейн и парилку. Скромненько так, чтобы перед соседями не стыдно было. К слову, соседями были все городское начальство и несколько «новых русских».

Вы будете смеяться, но все эти идеи были реализованы. Правда, моего терпения хватило лишь на первый этап строительства.

В дальнейшем, уже в 2000-х я был свидетелем кардинальных изменений в мировоззрении этого «нового русского», продажи замка, и строительства небольшого коттеджа. Коттеджем я тоже занимался.

Надо сказать, что и меня не обошла стороной эта «новорусская» гигантомания. Я тоже строил в 90-е большой дом, в три этажа, но без излишеств в виде гаража и бани с бассейном. И тоже продал его, купив маленький сельский дом, в котором сейчас и живу вместе с семьей.

Все мы не без греха.

Тогда в 90-е, когда я начинал строить дом для вышеозначенного «нового русского» на стройках жилого сектора работали не таджики и узбеки, как сейчас, а братья славяне – украинцы и белорусы. На окраинах Великой России было совсем худо с уровнем жизни, вот и двинулись мужики с окраин в центр на заработки. В бригаде, которой мне довелось руководить, лишь один из десяти рабочих был опытным специалистом, остальные учителя, официанты и бывшие военнослужащие. Вся бригада из Украины.

Ох, и намучился я с ними.

Опытный бригадир оказался еще и проворным малым – устроился сразу на несколько строек в такие же «горе» бригады. Заведет углы кирпичной кладки, натянет

шнурку – «ложите» хлопцы, и убежит на другие заработки. Интересно было смотреть, как вчерашние учитель с официантом кладут кирпичи криво косо, а офицер подносит раствор. Простую кладку перекладывали по три четыре раза.

Но до этого, когда монтировали сборные фундаментные блоки, смеха и слез было больше. Они впервые, наверное, в жизни занимались такой работой. Бегали вокруг блоков, пытаясь зацепить раскачивающиеся стропы за монтажные петли, путались и в стропах и в петлях, потом раскачивающийся и крутящийся блок пытались приладить на место. Ровно не получалось. Крановщик из СМУ-21 матерился на чем свет стоит.

Пока я не включился в процесс, ничего не получалось. Весь день делали работу, которую опытная команда из трех человек выполнила бы за несколько часов.

В конце действительно изнурительного дня хохлы расселись, разлеглись на песке котлована. Я их спрашиваю, что же вы не своим делом то занялись? А они мне отвечают, что делать, если по специальности работы нет, а у всех семьи, вот и приходится выкручиваться. Ничего, говорю, один дом постройте, второй, научитесь.

Разбивка фундамента

Подобных историй в 90-е было много.

К концу 80-х страна жила бедно, проблемы нарастали, власть, политическая, в том числе, показала свою полную неспособность, а скорее нежелание развивать Социалистический проект. Осенью 1989 года при молчаливом согласии КПСС рухнула Берлинская стена. Начались «смутные времена» в новейшей истории. Затем последовал поспешный вывод Советской группы войск. Мне не довелось участвовать в этом позорном для армии и страны мероприятии. И, Слава Богу. Благодаря судьбе я начал и окончил свою армейскую службу в Советской армии СССР.

Дальше события развивались стремительно. Буквально в течение нескольких лет произошел слом всей некогда мощной Советской системы. Вдруг наступило не только идейное, моральное, но и хозяйственное безвременье. Развалившийся на куски Союз нерушимый впал в болото междоусобных распрей, вначале экономических, национальных, а затем и военных с большим количеством человеческих жертв.

Всю тяжесть безвременья приняли на себя окраины. Вот и потянулись оттуда на заработки в богатый еще центр и мужчины и женщины.

При всем том нельзя говорить, что жизнь в этот период остановилась. Государственные институты продолжали существовать, работали кое-как, терзаемые рэкетом, предприятия, ВУЗы учили студентов.

Потеряв идеологическую основу, функционеры и обычные смертные потеряли вместе с ней и ориентиры. Моральные, нравственные границы оказались размыты. Вспомните сами эти годы.

Возможно, поэтому те, у кого была такая возможность, покинули страну. Говорят, что количество уехавших тогда из страны граждан сравнимо с количеством бежавших после Революции 1917 года. Видимо, сейчас мы пожинаем плоды этого бегства 90-х, как и в 20-е годы, когда страна была лишена специалистов во многих областях народного хозяйства. Только тогда в 20-е благодаря грамотной политике государства и партии этот пробел в специалистах быстро восполнили за счет высочайшего качества образования и поддержки инженерных и научных спеццов.

В 90-е, да и после вплоть до нашего времени этого восполнения не происходит. На наших глазах происходит деградация во всех сферах и государственной и общественной жизни.

Вот не хотел вдаваться в анализ, обобщение, но не удержался.

Возвращаюсь к 90-м в моей жизни. Повторю, при всех несуразностях и недостатках «лихих лет» жизнь продолжалась. Наш кооператив на пике своего успеха насчитывал более 100 человек рабочих. У нас была своя «база». «Базой» мы называли небольшой огороженный участок, где размещались складские помещения для материалов, стоянка строительной техники, а также деревообрабатывающий цех. Деревообрабатывающий цех включал в себя полный цикл производства. Мы заготавливали «кругляк» - необработанные стволы леса. Мы производили распиловку «кругляка», сушку древесины, изготовление столярных изделий и даже мебели. Цех был укомплектован дорогим оборудованием. В нашем автопарке имелись один самосвал ЗИЛ, один бортовой ГАЗ и длинномерный бортовой ЗИЛ, а также экскаватор Беларусь и автобус Кубань. Было и несколько легковых автомобилей: ВАЗ 2105, на котором ездил один из снабженцев, Москвич 2141, на котором возили председателя кооператива. Инженерно-технический персонал это – мастера на объектах, проектировщики и председатель кооператива. Я все мое время в кооперативе проработал на должности мастера. Вообще мастер – это официальное наименование должности в строительной организации. В обязанностях мастера было организовать производственный строительный процесс на объекте, подготавливать заявки на обеспечение объекта строительными материалами и средствами производства, оформление, так называемых «процентовок» - ведомостей выполненных работ за определенный период. Кооператив вел работы на нескольких объектах. Мы занимались и новым строительством и капитальным ремонтом, а также и реставрацией. Председателем кооператива был мой отец. Каждое рабочее утро в кооперативе начиналось с оперативного совещания – «оперативки». Кабинет председателя кооператива и бухгалтерия, состоящая из главбуха и кассира, располагались в здании СМУ-21 на Бетонной улице. Со Строительно-монтажным управлением № 21 у нас были давние, прочные связи. Мы вели совместно некоторые объекты, совместно пользовались строительной техникой. Конечно, были и конфликтные ситуации, разборки с применением ненормативной лексики. Как говорят, на стройке – это обычная рабочая обстановка. Так или иначе, все затруднения разрешались.

На «оперативку» съезжались все мастера и снабженцы.

Работа на объектах начиналась в 9-00. Оперативное совещание в 8-00.

Наши мастера, кроме меня:

1. Власов Анатолий Алексеевич, старый опытный прораб советской закваски, со строительным образованием, я многому у него научился. Он руководил самыми сложными объектами.
2. Ефимов Евгений, без строительного образования, выдвинулся в мастера из бригадиров, разнорабочий, обладал данными организатора, но ему не хватало специальных знаний, работал на тех объектах, где важным было опережение сроков строительства, а не качество работ. Мог сам взяться за кувалду и крушить полдня какую-нибудь стену. С Власовым у Ефимова были напряженные отношения.
3. Хлопков, мастер деревообрабатывающего цеха. Опытный специалист в своем деле, мог и станок не только отремонтировать, но и собрать.
4. Бригадир электриков был приравнен к мастерам (имя не помню)

Снабженцы:

1. Яситников Григорий, занимался текущими вопросами, небольшими объемами поставок.
2. Ишимцев. Занимался крупными поставками. Напоминал шпиона из старых советских фильмов. Знал все обо всем.

Проектировщики:

1. Лафанов Владимир Герасимович, молодой архитектор, который затем работал в нашей проектной организации после 2000 года.
2. Барехов Владимир Михайлович, опытный проектировщик, конструктор советской закалки с опытом работы прорабом на стройке.

Мастера ПСК «Ризалит», бригадир электриков, Маслов, Ефимов, Хлопков

Оперативки проходили всегда по одному и тому же сценарию. Вначале каждый мастер отчитывался и предъявлял заявки на материалы. При этом снабженцы вели записи. Затем председатель расставлял приоритеты, давал указания. Иногда, когда текущие вопросы были решены, всех отпускали, а председатель с тем или иным мастером закрывался для углубленного решения того или иного вопроса.

Интересно, как происходили увольнения в кооперативе. На оперативку вызывался рабочий, предназначенный к увольнению. Его долго «мариновали» в коридоре. Потом в самом конце оперативки, председатель громко выкрикивал его фамилию с требованием войти в кабинет. Рабочий всегда при этом робел и терял дар речи. Председатель коротко его отчитывал и отправлял в кассу за расчетом. Затем поручал снабженцу Яситникову, всегда ему, взять машину и немедленно вывезти с объекта все имущество этого уволенного рабочего, его спецовку, личный инструмент. Все происходило быстро, без сантиментов.

Увольняли редко и чаще всего не за пьянку, как можно было бы предположить, а за пренебрежение работой, хамство и грубость по отношению к мастеру.

Настоящих специалистов ценили в кооперативе и многое им прощали. На таких специалистах, высококвалифицированных рабочих держался кооператив. Иногда такого рабочего даже приглашали на оперативное совещание и советовались с ним по тому или иному вопросу. Конечно, и зарабатывали такие рабочие больше других.

Структурный состав рабочих строителей в кооперативе был следующий.

Были две бригады сантехников, каждая из которых комплектовалась одним сварщиком универсалом и двумя слесарями (Ганин Владимир Михайлович, Чудаков Николай, Скорина Александр, Лысаков Анатолий, Тереньтьев)

Была бригада электриков, со своим сварщиком.

Была бригада маляров-штукатуров

Была бригада кровельщиков, жестянщиков (Козлов Вася и Коновалов Володя)

Рабочие ПСК «Ризалит» Бабкин и Борис Лазаревич

Эти бригады работали, кочуя с объекта на объект. А были отдельные специалисты, которые работали самостоятельно с подсобными рабочими. Подсобниками обычно были молодые ребята, стремящиеся научиться профессии у своего специалиста. Самым, наверное, знаменитым одиночкой специалистом был Борис Лазаревич – старейший рабочий кооператива, штукатур, облицовщик. Работал один с подсобником. Человек старорежимный, единственный, кто латал и стирал свою спецовку и даже рукавицы. Его инструмент всегда был в идеальном состоянии. Он сам замешивал для себя раствор, сам изготавливал специальную утварь. Терпеливо учил своего подсобника премудростям своего дела. За малейшее нарушение выгонял. Не терпел алкоголь и пустые разговоры. Работал споро и качественно. Таких специалистов теперь нет. Я не встречал. Помню такой случай с Борисом Лазаревичем. Приезжаю на участок. Вижу болтается без дела его подсобник, молодой парнишка. Спрашиваю, почему не с Борисом Лазаревичем? Отвечает, что его Борис Лазаревич выгнал. Иду выяснять, что случилось.

- Я его спрашиваю, как выходные провел? – Говорит Борис Лазаревич, - а он отвечает, никак.

- Как так? – Спрашивает Борис Лазаревич, - может книгу читал или музыку слушал?

- Я книг не читаю и музыку не люблю, - отвечает подсобник.

- Зачем мне такой товарищ в работе, который музыку не любит, книг не читает, - обращается ко мне Борис Лазаревич и добавляет: ему и девки то, наверное, такому не нужны.

Был еще хороший специалист и интересный типаж – Ткаченко Анатолий. Он тоже работал штукатуром и облицовщиком. Постоянно соревновался с Борисом Лазаревичем. Иногда успешно. Ткаченко быстро освоил новую для себя профессию, в которую пришел по воле обстоятельств. В Советское время он работал водителем «Волги», возил руководителя серьезной государственной организации. Когда СССР развалился, государственные конторы также посыпались, то и Анатолий лишился работы. Пошел на стройку и за короткий срок стал высококвалифицированным специалистом.

Среди каменщиков выделялся Александр Гусев, мой дальний родственник, со среднетехническим строительным образованием он бы высококлассным каменщиком, выполнял любые по сложности работы. Еще были хорошие рабочие: Валера Беспаметнов – разнорабочий, а на деле универсал, которому можно было поручить ответственное задание, монтажник Иван Иванович - один из опытнейших наших рабочих, Юра Миронов – плотник, Павел Топчан – электрик, Фертиков Саша - каменщик и много других.

Коллектив ПСК «Ризалит» во время поездки на строительство «Храма Христа Спасителя» в Москве.

На «базе» кроме деревообрабатывающего цеха размещался лепной цех, как мы его называли. В этом цеху изготавливались гипсовые отливки для наружного и внутреннего декора, фасадные элементы. Работал в этом цеху Архипов Александр, из старообрядческой семьи, несколько замкнутый и поэтому работающий один. Интересно, что он не только занимался литьем, но и обрабатывал гипсовые формы и сам устанавливал их на место.

Водители нашего кооператива: Саша Чадин на самосвале ЗИЛ, Шкляревич на длинномере, Булат – водитель автобуса Кубань, Голубушин Миша вначале экскаваторщик, затем возил на Москвиче председателя кооператива. Шкляревич гонял на своем длинномере, а это бортовая машина с удлиненным кузовом, словно Шумахер. Этим он и запомнился.

Я начал работать в кооперативе, как только пришел с армии. Участь в институте, работал каждое лето. Несколько моих однокурсников работали вместе со мной – хотели подзаработать за летние месяцы. Нас ставили на работы в разные бригады, к разным профессионалам и мы через некоторое время познакомились со всеми рабочими и вообще влились, что называется, в коллектив.

Работая подсобниками то у каменщиков, то у штукатуров, плиточников, бетонщиков мы постигали азы строительных специальностей. Поэтому когда в институте надо было определяться с производственной, а в нашем случае, строительной практикой, наш выбор был решен в пользу кооператива. Во время такой практики мы получили навыки нескольких строительных специальностей, научились монтировать строительные леса, работать со строительной техникой, пользоваться инструментом и почувствовали себя настоящими строителями.

Поэтому, когда после окончания института я пришел в кооператив мастером, то мне не нужно было вживаться в коллектив, налаживать отношения с рабочими, я пришел в родной дом, знал всех, как своих.

Так как председатель кооператива, мой отец, человек интересующийся историей, литературой, музыкой, то им помимо собственно строительной деятельности велась

большая общественная работа. Да и объектами нашими часто были культурные или исторические объекты. Этой информации вы сейчас нигде не найдете, потому что отец, со свойственной ему скромностью не афишировал участие нашего кооператива в ремонтных и реставрационных работах известных памятников истории, архитектуры, культуры.

В качестве примера приведу несколько объектов, где мы работали.

Во-первых, это дом-музей Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке Москвы. Там мы не только принимали участие в ремонтных работах, но и создавали витрины и стенды музейной экспозиции. Причем, почти все эти работы кооператив делал бесплатно. У отца сложились хорошие отношения с тогдашним директором музея Надеждой Ивановной Катаевой-Лыткиной. Я вместе с отцом часто бывал в музее на различных культурных мероприятиях, которые Надежда Ивановна устраивала в актовом зале музея. Это были и встречи с поэтами и писателями, тематические вечера, посвященные самым разным культурно-историческим вопросам. В 90-х Дом-музей М.И.Цветаевой был одним из самых притягательных мест Московской интеллигенции. Там можно было встретить цвет Российской культуры. К сожалению, с уходом из жизни Надежды Ивановны уже в 2000-е годы, со сменой руководства музея политика изменилась. А про нас там и не помнят теперь.

Также мы работали над реставрацией мраморных колонн в вестибюле центрального банка России. Для проведения этих работ нами был освоен метод приготовления специального состава «под мрамор», которым мы заделывали выбоины и трещины колонн.

В Ногинске нами были выполнены работы по капитальному ремонту, а фактически реставрации здания школы №2, бывшего здания Богородской женской гимназии, построенного в начале XX века. Как и всегда, отец подходил к работе серьезно. Искались документы, фотоматериалы о гимназии, воспоминания современников строительства. Глубоко изучалось творчество архитектора – гражданского инженера А. В. Кузнецова, который считается одним из ярчайших представителей стиля модерн в архитектуре. Кузнецов был учеником Ф. Шехтеля, много строил в России, а в Богородске (Ногинске) им построено несколько зданий в модерне. Отец разыскал дочку Александра Васильевича. Она бывшая служащая музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, искусствовед, проживала в доме отца в Москве. Мы побывали у нее дома, познакомились с удивительной архитектурой старого Московского усадебного дома, который был спроектирован и построен Кузнецовым. Мы привезли ее в Ногинск и показали ей этапы восстановительных работ.

Капитальный ремонт школы №2 в Ногинске

Капитальный ремонт школы №2 в Ногинске

*Дочка А.В. Кузнецова Ирина Александровна
(справа) у здания школы №2*

А. В. Беспмятнов за работой

Также мы начинали работы по восстановлению почти потерянного загородного дома фабриканта А. И. Морозова. Без нашего участия дом, несомненно, пропал бы.

На ступеньках крыльца дома А. И. Морозова потомки Арсения Ивановича, в центре в черной рясе о. Александр (Сипягин) и справа краевед Золотарев М. В.

Мы занимались также работами по реставрации и ремонту здания бывшего училища для детей фабричных служащих, ныне это школа №10. Здание также является примером модерна. В фойе школы и рекреациях красивейший лепной декор, а также уникальная по исполнению мозаика в качестве фриза под потолком вестибюля. Мозаика эта была покрашена, лепнина местами уничтожена. Мы провели серьезную восстановительную работу. Деревянные двери с криволинейными современными очертаниями филенок воссоздавали с применением хитрой техники «левкаса», для освоения которой наши рабочие ездили несколько месяцев на учебу в реставрационные мастерские в Москве.

Интерьер школы №10

Наши столяры создавали витрины для выставки «Москва купеческая» в Москве.

К сожалению, никто сейчас об этом не вспоминает. И наша работа, а в большей степени энтузиазм моего отца никак не отмечен.

Отец в самое, казалось, неподходящее время 90-х привез в Ногинск внука Бориса Пастернака, известного архитектора, реставратора, а также искусствоведа М. Нащекину, автора публикаций о Русском модерне, с целью показать город, архитектурные памятники модерна. Благодаря этому о Ногинске заговорили в архитектурных, исторических кругах, как об уникальном городе, опубликованы книги о городе.

Интервью Ногинскому радио. В центре Е. Н. Маслов, дает интервью Борис Пастернак, внук поэта.

С Борисом Евгеньевичем Пастернак у здания бывшего родильного дома в Ногинске

В самом начале 90-х отцом был создан клуб «Старый город». На базе Ногинского педагогического училища каждое воскресенье проводились различные культурные мероприятия. Популярность клуба была огромна, а известность распространилась далеко за пределы Ногинска.

Ансамбль старинной музыки под управлением Виктора Апарина, в центре будущая пианистка и композитор Евгения Тарасова (сейчас живет в Италии) на сцене «Старого города»

В клубе «Старый город» завсегдатаями были известнейшие артисты, поэты, писатели, музыканты. Евгений Рейн, Фазиль Искандер, Рафаэль Клейнер, Сергей Юрский, Вероника Долина, Виктор Кривулин, Лещенко-Сухомлина, молодой тогда пианист Костя Лифшиц, музыкальные коллективы и исполнители. Всех и не вспомнишь. В рамках клуба проводились лекции, творческие вечера, выступления учащихся школ. Множество творческих людей могли себя показать, реализовать свои проекты на собраниях клуба. Публика приглашалась в клуб бесплатно, часто посетителям не хватало места, и люди стояли в коридоре перед актовым залом. Традицией было непременно чаепитие с пирогами после концерта, и застолье превращалось в продолжение выступления. Как я сейчас жалею, что даже не думал тогда, чтобы вести видео или хотя бы аудиозапись.

Камерный ансамбль классической музыки на сцене клуба

Рафаэль Клейнер и Фазиль Искандер в «Старом городе»

В «Старом городе» Евгений Рейн и Костя Лифшиц

На той же площадке при материальном обеспечении кооператива проводились «Морозовские чтения», собиравшие ученых историков, краеведов, интересующихся людей. На «чтения» приезжали и зарубежные участники со своими докладами, выступлениями. Всех привозили, встречали, обеспечивали жильем, питанием. По инициативе отца издавался историко-краеведческий альманах «Богородский край», печатались материалы «Морозовских чтений». Все эти материалы сейчас можно увидеть на сайте [www. bogorodsk-noginsk.ru](http://www.bogorodsk-noginsk.ru)

В 90-е голодные для творческих людей годы, «Старый город» давал им возможность хоть немного заработать, а главное – выступать перед публикой. А еще отец создал благотворительную организацию помощи пенсионерам - учителям, врачам. Им покупали продукты, помогали в решении жизненных вопросов. Об этом тоже сейчас мало кто вспоминает.

Сергей Юрский и Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина в клубе «Старый город»

Участники «Морозовских чтений» в мастерской Ногинского художника Виктора Орлова

Как видно из моего небольшого очерка о «лихих годах», не такие уж они были лихие. За все 90-е годы я не видел ни одного бандита и не принимал участия ни в одной криминальной разборке, хотя, конечно, об их существовании слышал.

А 90-е для меня лично закончились несколько раньше календарных дат. В 1998 году случился дефолт, и наш кооператив прекратил свое существование.

Мы казались выброшенными на берег китами. Надо было начинать новую жизнь. Но это уже другая история.

Основатель клуба «Старый город» Маслов Е. Н., Фазиль Искандер, Рафаэль Клейнер у здания Ногинского педагогического училища, 1996 год